

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Дианы Юрьевны Сырысевой
на тему: «Магический реализм в русскоязычной прозе современных
татарских писателей» по специальности 5.9.1 – «Русская литература и
литературы народов Российской Федерации»

Рецензируемая диссертация Дианы Юрьевны Сырысевой – объемный, многогранный труд, посвященный современной литературе. Сразу отмечу, что мой отзыв положительный, несмотря на ряд замечаний, которые последуют ниже; эти замечания, надеюсь, будут полезны докторантке и станут поводом для научной полемики, допустимой в ходе защиты диссертации.

Итак, исследование Д.Ю. Сырысевой посвящено творчеству современных авторов, которых соискательница именует татарскими русскоязычными писателями. В одном из параграфов оговаривается проблематичность этой писательской страты, то есть Д.Ю. Сырысева в курсе полемичности этой номинации, однако по каким-то неведомым соображениям именует анализируемых авторов татарскими писателями, никак не обосновывая свое видение, свой взгляд на эту проблему. Из контекста диссертации можно сделать вывод, что критерий, которым руководствуется докторантка, – пресловутая «пятая графа», этническое происхождение и сопутствующий культурно-мифологический контекст, присутствующий в прозе этих авторов, то есть, вероятно, это достаточный критерий их «татарскости». На что у меня есть контраргумент – роман «Возвращение в Панджруд» современного русского писателя Андрея Волоса: контекст его романа целиком и полностью соткан из реалий, мифopoэтических деталей, далеких от «русскости», уходящих корнями в эпоху Мавераннахра, а голос повествователя сливаются с голосами и ментальностью жителей Средней Азии Средневековья. Из этого следует, что ни этномифологический контекст, ни этническая идентификация персонажей литературного произведения не могут

влиять на номинацию писателя. Рекомендую автору диссертации открыть повесть Юрия Карабчиевского «Тоска по Армении», где непосредственно от самого писателя, а не кабинетных ученых, представлены рефлексивные суждения о писательской номинации. Так, Карабчиевский заключает: «Язык определяет принадлежность писателя и только язык. Джозеф Конрад говорил по-английски с акцентом, и все же он английский писатель, а не польский. И Кафка – немецкий, а не чешский и не еврейский. Как Борис Пастернак – не еврейский поэт. И даже Мандельштам, никогда не замалчивавший своего происхождения, наоборот, с гордостью его объявлявший, был тем не менее русским поэтом и только русским. Можно говорить о вкладе нации в ту или иную культуру, но *отчество писателя – его язык*» (курсив мой. – Э.Ш.).

Итак, это одно, но концептуальное несогласие с диссиденткой, тем не менее свидетельствующее об **актуальности** исследования, зовущего к дискуссии, научной полемике. Необходимо также отличать генерации так называемых «русскоязычных» писателей: первая плеяда «русскоязычных», сформировавшаяся в советской литературе и ассоциируемая более всех с Чингизом Айтматовым, – это первый плод русификации, проводимой советской властью. А нынешняя плеяда «русскоязычных», к которым можно отнести писателей, входящих в исследовательскую оптику Д.Ю. Сырысевой, это совершенно другая генерация авторов, для которых не было проблемой, какой язык выбрать языком творчества: русификация в этом случае предстает органической составляющей человека: эти писатели думают по-русски, видят сны по-русски, поэтому называть их татарскими авторами – большая натяжка. (Замечу, что я не расставляю оценок, хорошо это или плохо, а только констатирую реальный факт.)

В четырех главах диссертации Д.Ю. Сырысевой рассмотрен большой круг проблем, рождаемых прозой Салавата Юзеева, Рустема Сабирова, Альбины Нурисламовой, Шамиля Идиатуллина, Гузели Яхиной. Собственно, их творчеству посвящены две последние главы, а две первые, по мысли диссидентки, предстают как теоретические: в частности, научный очерк о

появлении термина и понятия «магический реализм», дайджест исследований о магическом реализме в отечественных и зарубежных работах.

Здесь же толкование магии как явления жизни и сознания, параграфы о выразительности музыки как вида искусства, о происхождении кинематографа и влиянии живописи на литературу – совершенно избыточный материал, перегружающий диссертацию, порой вызывающий недоумение своей неуместностью; ведь резюмирующую часть этих фрагментов можно было использовать непосредственно в аналитической части работы – что выглядело бы обоснованно, к месту и сократило бы объем диссертации.

Главы третья и четвертая содержат в заглавии неимоверный по своему охвату круг проблем: поэтика, стилистика, традиции литератур Востока и Запада, особенности эстетики, особенности функционирования хронотопа, синтез искусств, мировой литературный контекст и другие, каждая из которых тянет на отдельное диссертационное исследование.

Словом, диссертация Д.Ю. Сырысевой может претендовать на фундаментальное исследование, аналогичное докторской диссертации, отсюда и неминуемая для соискателя степени кандидата наук совокупность ошибок и промахов, то есть претензии не соответствуют, увы, навыкам и научным возможностям соискателя.

Диссидентка старательно сформировала набор признаков литературных текстов, по которым их можно отнести к «магическому реализму», я не стану их перечислять, Д.Ю. Сырысева, уверена, назовет их в своем выступлении. Однако «не работает» ни один, на каждый из признаков можно приводить литературные примеры, опровергивающие принадлежность к «магическому реализму»: то, что диссидентка относит к проявлению «магического реализма», я отнесла бы к признаку *литературы как таковой*, ведь литература – это лаборатория возможного и невозможного, она и есть сама та самая «магия». Словом, «магический реализм» в версии Д.Ю. Сырысевой меня совсем не убедил.

Помимо высказанных замечаний субъективного свойства, есть замечания и сугубо литературоведческие:

– один из параграфов назван «Сербский текст...» (4.3.); диссертантка пишет: «В современных отечественных исследованиях вводится понятие “сербский текст” русской литературы, по аналогии с “кавказским текстом”...» (Дис. С. 210). В этом фрагменте, как и во всем параграфе, допущена ошибка: во-первых, говоря о каком-то локальном (именном) тексте, необходимо представить перечень литературных текстов других авторов, где этот именной текст присутствует. Почему? «Локальный (именной) текст» – это конвенциональный термин, за которым закреплены особый смысл и содержание, заложенные его родоначальником В.Н. Топоровым (не упомянутым в диссертации); только проделав подобную работу, можно говорить о существовании в русском дискурсе *сербского текста*, а в работе Д.Ю. Сырысевой *сербский текст* надо заменить на «сербскую тему», «сербские реалии» и проч., но не сербский текст;

– «Несмотря на то, что в художественном мире романа можно найти черты литературной сказки <...> жанр литературной сказки переосмысливается автором трагедийно <...> в мире Идиатуллина ни добро, ни зло не побеждает» (Дис. С. 239) – здесь путаница или непонимание. Жанр литературной сказки не может переосмысливаться, она у каждого автора своя – авторская литературная сказка. Может переосмысливаться фольклорная сказка, каноническая, а канона *литературной сказки* не существует;

– диссидентка выделяет мифологическую составляющую текста как признак «магического реализма», даже отмечает временной диапазон, но это неверное суждение; надо читать теоретика мифопоэтики Е.М. Мелетинского (отсутствующего в списке литературы) и понимать, что мифопоэтика – это константа любого литературного текста, это свойство может быть осознано автором, а может и нет – присутствовать на бессознательном уровне;

– диссидентке важно поработать с классикой отечественной фольклористики, в частности, с работой В.Я. Проппа «Исторические корни

волшебной сказки», чтобы не делать таких «открытий»: «...в романе Нури лес становится границей и рубежом, служением, а не наказанием» (Дис. С. 217), заключение верное, но это не находка Альбины Нури, это ее следование метатексту культуры; также неверно дефинировать «дерево, землю, мир» «фольклорными элементами» (Дис. С. 221).

Цель диссертации – «рассмотреть особенности поэтики магического реализма в прозе современных русскоязычных татарских писателей (С. Юзеева, Р. Сабирова, А. Нурисламовой, Ш. Идиатуллина, Г. Яхиной)» достигнута, но с оговоркой (что касается «магического реализма»), и даже с опережением: многосторонне проанализированы тексты названных авторов, введены в научный контекст, представлены типологические связи ряда текстов с западными аналогами.

Научные положения, выносимые на защиту, отражают узловые моменты диссертации, отчасти спорные, о чем было сказано выше.

Научная новизна диссертационного исследования Д.Ю. Сырысевой состоит в следующем: впервые введена в научный дискурс многогранная аналитика художественных текстов Р. Сабирова, А. Нурисламовой (А. Нури), ряда текстов С. Юзеева, особенно в аспекте синтеза искусств, присутствующего в поэтике текстов этих авторов.

В этом заключается **личный вклад** диссертанта, дополненный **апробацией** результатов исследования: публичными выступлениями на научно-практических конференциях и научными публикациями, в которых, как и в автореферате, отражены основные положения диссертации.

Объективность и достоверность результатов изучения современной прозы писателей, относимых диссиденткой к «русскоязычным татарским» обеспечиваются хотя и неполной, однако вполне обоснованной теоретико-методологической базой и междисциплинарным характером исследования (литературоведение, фольклористика, история, искусствознание, культурология), взаимодополняющими методами анализа, культурно

значимым текстовым материалом, публичной апробацией основных положений работы.

Замечания, сделанные в процессе рецензирования работы, рассчитаны на перспективу.

К диссидентке Д.Ю. Сырысевой есть вопросы:

1. На с. 38 сказано: «Суфизм оказал большое влияние на образность и поэтику литературы Востока», также на с. 86 – «В татарской литературе, во многом наследующей традиции восточной поэтики, суфийской образности...», какое отношение имеет суфизм к творчеству анализируемых в диссертации авторов? Какие суфийские источники, кроме «Притч суфийских дервишей» И. Шаха, вам известны? Какие из них нашли отражение в исследуемой прозе?

2. В Заключении одной из черт «магического реализма» вы называете «использование образов, имеющих магический, мистический смысл (зеркало, окно, поезд)», какой совет вы можете дать, чтобы не ошибиться и не причислить тексты, в которых встречаются эти образы/предметы, к «магическому реализму»? (Уверена: у каждого в голове проносится ряд хрестоматийных текстов, не имеющих отношения к вашей концепции.)

3. Аналогичный предыдущему вопрос: всегда ли конструкция «текст в тексте» – признак «магического реализма», как вы утверждаете? То же касается экфрасиса в художественном тексте.

Диссертация «Магический реализм в русскоязычной прозе современных татарских писателей» выполнена в соответствии с требованиями п. 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а ее автор, Диана Юрьевна Сырысева, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. – Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
профессор департамента филологии
института гуманитарных наук ГАОУ ВО
«Московский городской педагогический университет»

Шафранская Элеонора Федоровна

16 октября 2023 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4.

Московский городской педагогический университет, институт гуманитарных
наук, департамент филологии.

Тел.: +7 (499) 181-68-59; e-mail: kaflit-mgpu@mail.ru

Подпись руки Э.Р. Шафранской подтверждаю.

СВЕДЕНИЯ ОБ ОФИЦИАЛЬНОМ ОППОНЕНТЕ

по диссертации Сырысевой Дианы Юрьевны
на тему: «Магический реализм в русскоязычной прозе современных татарских
писателей»

на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 5.9.1. – Русская литература и литературы народов Российской
Федерации

ФИО оппонента (полностью)	Шафранская Элеонора Федоровна
Гражданство	РФ
Ученая степень (с указанием шифра специальности научных работников, по которой защищена диссертация)	Доктор филологических наук, 10.01.01
Ученое звание	профессор
Место работы	
Полное наименование организации в соответствии с уставом	Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский городской педагогический университет»
Наименование структурного подразделения	Институт гуманитарных наук
Должность	профессор
Почтовый адрес	2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1, 129 226, Москва
Официальный сайт	https://www.mgpu.ru/obrazovanie/institutes/ign/
Контактный телефон	+7 (499) 181-59-89 (дирекция ИГН)
E-mail	ign.info@mgpu.ru
Дополнительные сведения	<p>Список основных публикаций за последние 5 лет по теме диссертации соискателя:</p> <p>1. Шафранская Э.Ф., Кешифидинов Ш.Р. Армянский транзит: художники как паттерн армянского текста в русской словесности // Поволжский педагогический поиск. 2023. № 2(44). С. 123–134.</p> <p>2. Шафранская Э.Ф. Буквы, память, язык: о русской транскультурной литературе // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 55–65.</p> <p>3. Шафранская Э.Ф. Армянский текст: стихи и проза // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № S6. С. 135–143.</p> <p>4. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Смирнова А.И. Метафоры остановившегося времени в современной литературе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 4. С.132–142.</p> <p>5. Шафранская Э.Ф. Архивный вектор в современной русской литературе // PRZEGŁĄD RUSYCYSTYCZNY. Польша, 2022. № 4(180). С. 25–38.</p>

6. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т. Локальные тексты в русской литературе: Учеб. пособие. М.: Юрайт, 2022. 109 с.
7. Шафранская Э.Ф., Волохова Т.В. Среднеазиатские социальные типажи как паттерн ориентализма в прозе Леонида Соловьева // Полилингвальность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 1. С. 44–59.
8. Шафранская Э.Ф. Ordinamenti Павла Зальцмана: роман о Средней Азии // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 3. С. 105–113.
9. Шафранская Э.Ф. Лирическая проза Санджара Янышева: колониальный и постколониальный палимпсест // Вопросы литературы. 2020. № 2. С. 143–157.
10. Шафранская Э.Ф., Волохова Т.В. Поэтика ориентализма: повесть Леонида Соловьева «Кочевье» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. № 4. Т. 25. С. 648–656.
11. Шафранская Э.Ф. О русском ориентализме, «русском мире» в колониальной литературе и их переосмыслении в постколониальной литературе // Новое литературное обозрение. 2020. № 1(161). С. 291–306.
12. Шафранская Э.Ф. Бутыль с надписью «Икс», или поиски неизвестного в романе Алисы Ганиевой «Жених и невеста» // Полилингвальность и транскультурные практики. 2020. № 1. С. 65–77.
13. Шафранская Э.Ф. Современная русская литература: иноэтнокультурная проблематика: Учебник для вузов. М.: Юрайт, 2020. 194 с.
14. Шафранская Э.Ф. Колониальная и постколониальная литература: терминология и содержание // Филология и культура. Казанский (Приволжский) федеральный университет. 2019. № 1(55). С. 203–211.
15. Шафранская Э.Ф. Фольклор как сюжетообразующий концепт в романе Гузели Яхиной «Дети мои» // Палимпсест. 2019. № 2. С. 101–111.

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Подпись

Э.Ф. Шафранская

Печать

